

«Не надо оплёвывать прошлое, чтобы оправдать настоящее»

ИНТЕРВЬЮ С РЕЖИССЕРОМ ЕВГЕНИЕЙ ГОЛОВНЯ

Продолжение. Начало на стр. 1

Постепенно имя кинооператора Анатолия Головни, моего деда, приобретало необыкновенную популярность. Он получал приглашения работать с известнейшими режиссерами, которым, как правило отказывал, поскольку его связывала творческая дружба со Всеволодом Пудовкиным. Они уже сняли такие известные фильмы, как «Мать», «Потомок Чингиз-Хана» (в западном прокате «Буря над Азией»).

Они часто выезжали на съёмки за границу, и соответственно, благополучие семьи стало расти. Бабушка из простой провинциальной девушки постепенно превратилась в «первую даму» своего круга, женщину, стремящуюся к красоте как образу жизни.

Был период, когда советской «элите» многое позволялось. Она имела возможность одеваться в «Торгсинах» (Торговля с иностранцами), покупать предметы роскоши на распродажах в «Эрмитаже», посещать званые правительственные балы в Кремле.

На одном из таких балов бабушка познакомилась с Борисом Бабицким – директором первой коммерческой киностудии «Межрабпомфильм». Возможно оттого, что дед подолгу отсутствовал в экспедициях, снимая одну картину за другой, или же за таённая обида за несостоявшуюся актёрскую судьбу сыграла свою роль, но однажды она ушла к Бабицкому, оставив Головню вместе с дочерью – моей мамой.

Многие её осуждали за это, но дед отнесся к разводу философски: любит так любит. Они даже поддерживали дружеские отношения. И вдруг в 1937 году Бабицкого арестовали, обвинив в американо-польском шпионаже.

– За что посадили Бабицкого?

– Когда Григорий Александров снимал свои комедии с Любовью Орловой, Бабицкий возглавлял студию. И случилось так, что фонограммы знаменитых орловских песен попали в Америку и вышли на английском языке прежде, чем в СССР. Возмущенный Александров вынес это на обсуждение в партбюро. Возможно, это и стало поводом. И вскоре после этого партбюро обвинило Бабицкого в шпионаже.

Его пришли арестовывать ночью. У чекистов был популярен «эффект внезапности». Бабушка осталась с маленьким Алешей и Воликом – сыном Бабицкого от первого брака. Через год, когда моя мама гостила у них, так же, ночью, внезапно пришли аресто-

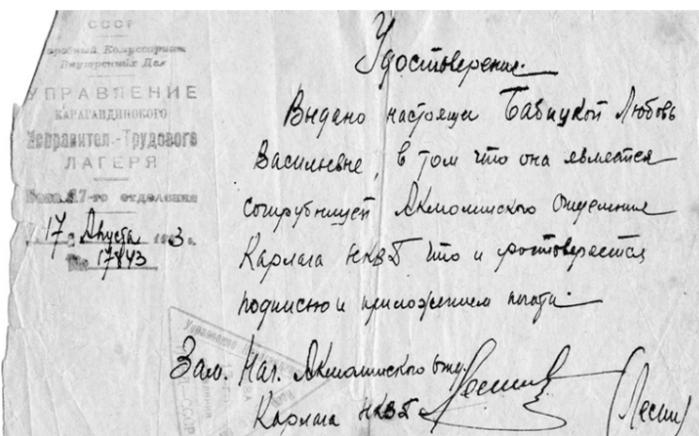
Люба Иванова (Бабицкая) до лагеря

вывать бабушку. Ей было всего 32 года! А трое детей остались бесхозными – полутрехгодовалый Леша, 12-летний Волик и моя мама 10 лет. На следующий день приехала машина, и две женщины в чёрных кожаных пальто забрали всех троих в детские приемники. Старших определили в Данилов монастырь, младшего – на Поварскую, для ясельных.

Мой дед, будучи уже известным кинооператором, неоднократно представленным к правительственным наградам, ко всему был человеком негибкой воли. Он

вольно подслушивала разговоры взрослых. А память и воображение ребёнка куда сильнее, чем у взрослого.

У бабушки часто собирались бывшие соузницы. Вспоминали и аресты, и лагерную жизнь. Среди них были мать Майи Плисецкой (Рахиль Мессерер), Кира Андроникова, жена Бориса Пильняка, актриса Оксана Козьмина, которая спустя годы поехала с нашей съёмочной группой на «26-ю точку Карагандинского исправительно-трудового лагеря» – так официально назывался АЛЖИР.

Справка, по которой Любовь Бабицкую отпустили за ребенком

сумел разыскать свою «пропавшую» дочь, а вместе с ней вызволил из «детприёмников» мальчиков – Волика и маленького Алёшку. Если вспомнить, какие это были годы, то, конечно, это был очень смелый поступок! До войны все трое детей воспитывались в семье моего деда – Анатолия Дмитриевича Головни.

– Трудно было сохранять спокойствие во время съёмок?

– Да, я была спокойна. Потому что все самые страшные картинки лагерной жизни прошли передо мной в детстве, когда я не-

Оксана была первой женой актёра Николая Баталова, известного по фильму «Путевка в жизнь». Помню ещё одну бабушкину подругу Риту Алмазову. Её арестовали, когда ей было 19 лет, оторвав от восьмимесячного ребёнка. На этой почве у Риты в лагере начались психические сдвиги.

В моем детском сознании помимо моей воли застряли страшные вещи – те истории, которые, покуривая «Беломор» (по лагерной привычке), без надрыва, как бы между прочим, вспоминали эти женщины.

Евгения Головня, режиссёр, сценарист, продюсер

Душная камера с пыльным зашпеченным окошком, омерзительная параша и двадцать заключённых молодых женщин, задыхающихся от жары и зловония... Кровавый след на белом снегу тянется за измождёнными непосильной работой женщинами... Охранники с огромными откормленными собаками вокруг, и женская рука пытается стянуть собачью миску с едой... Были эпизоды и пострашнее.

Но как удивительно устроен человек! Память, будто защищая его психику, переводит ужас пережитого в стёртые, неяркие образы. Зато с каким воодушевлением, когда, спустя годы, я начала снимать фильм об АЛЖИРе, эти постаревшие женщины рассказывали о своей лагерной дружбе, о

оказалась в Бутырской тюрьме в одной камере с моей бабушкой. К счастью, их не пытали, в отличие от многих других. Но унижение женского достоинства началось уже там. При аресте им срезали все резинки и пуговицы, сняли пояс, из-за чего падали чулки, юбки, кофты не запахивались, и в таком виде их водили на допросы по коридорам Бутырки.

Бутырка всегда была страшным местом.

Переполненные камеры, духота, грязь... У большинства молодых женщин, которых посадили «за мужей, изменивших Родине», «на воле» оставались малолетние или грудные дети. У многих не выдерживала психика – они

Душная камера, омерзительная параша и двадцать молодых женщин, задыхающихся от жары и зловония... Кровавый след на белом снегу тянется за измождёнными непосильной работой женщинами... Охранники с огромными откормленными собаками вокруг, и женская рука пытается стянуть собачью миску с едой... Были эпизоды и пострашнее.

стихах, которые сочиняли на нарастающих, о взаимной поддержке, о письмах детей, о крошках еды, которую делили между собой...

Они не только не хотели повторить услышанное мною в детстве, они будто сглаживали в своих воспоминаниях унижения, выпавшие на их долю.

Это инстинкт великой жен-

не понимали, чего от них хотят и за что их посадили.

Жен высокопоставленных чиновников заставляли подписывать ложные показания против своих мужей. В камеру привели в полубезумном состоянии жену одного из секретарей ЦК ВЛКСМ, кажется Постышева, но могу ошибиться. На допросе применя-

Молодая Ксана Козьмина

ской души – охранить своё достоинство!

– Как сложилась их судьба после ареста?

– Послелагерная жизнь у всех сложилась по-разному. Пожалуй, самым трагическим продолжением оказалась жизнь Ксаны Козьминой.

После ареста Ксана Козьмина

ли пытки и психологическое давление, «используя» шестилетнего сына. И женщина, испугавшись за ребёнка, подписала донос на мужа. А под утро повесилась в камере, возле параша.

Моя повзрослевшая душа уже была переполнена этими воспоминаниями, теперь мне необходимо было проанализировать – почему